

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ХІІІ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЮР — Археологическая летопись южной России.
 АН — Академия Наук СССР.
 Бур. — П. Бурцов. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней южной России. Одесса, 1884.
- ВДИ — Вестник древней истории.
 ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ГИМ — Государственный Исторический музей.
 ДИ — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899.
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.
 ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИАН — Известия Академии Наук СССР.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
 ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КСИМК — Краткие сообщения ИИМК.
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК.
 МАР — Материалы по археологии России.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 ОАК — Отчеты археологической комиссии.
 ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
 СА — Советская археология.
 СГАИМК — Сообщения ГАИМК.
 СЭ — Советская этнография.
 ТР . . . АС — Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
 ТСРАНИОН — Труды секции археологии РАНИОН.
 ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
 ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.
 ЧОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских.
 АА — Archäologischer Anzeiger.
 АЖА — American Journal of Archaeology.
 АМ — Athenische Mitteilungen.
 СВА — Corpus vasorum antiquorum.
 ЕСА — Eurasia Septentrionalis Antiquae.
 IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
 JAI — Jahrbuch des Archäologischen Instituts.
 РА — Revue archéologique.
 SC — Scythica et Caucasica. В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893.

М. К. КАРГЕР

РАЗВАЛИНЫ ЗАРУБСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЛЕТОПИСНЫЙ
ГОРОД ЗАРУБ

I

На правом гористом берегу Днепра, напротив устья р. Трубеж расположено село Зарубинцы, хорошо известное в археологической науке, благодаря находящемуся подле него могильнику, относящемуся к группе так называемых «полей погребений».

Однако археологические памятники, расположенные в районе с. Зарубинцы, должны не в меньшей степени привлечь внимание и исследова-

Рис. 1. Городище над развалинами Зарубского монастыря.

телей культуры Киевской Руси. К северу от села, в 2 км от него, на высокой и очень крутой горе (около 100 м над уровнем реки) расположено древнее городище, состоящее из двух частей. Меньшая часть городища имеет форму вытянутого по оси ВЗ овала с несколько расширяющимся западным концом, к которому за рвом, несколько под углом, примыкает вытянутая по оси СЮ площадь второй napольной части городища (рис. 1). Площадь меньшей части городища 130×50 м, площадь большей, napольной части 180×80 м. Так как площадь городища сильно распахана, валы изнутри городища почти сравнены. Снаружи остатки валов просле-

живаются довольно ясно. Местное население называет городище «Городками Зарубскими» и связывает его с древним городом, который по одной традиции носит имя «Сурмы», по другой «Трубы». Некоторые жители окрестных сел и, в частности, крестьяне с. Зарубинцы, иногда называют этот город летописным именем Заруб. Никаких раскопок на городище никогда не производилось. Подъемный материал дает в изобилии керамику корчеватовско-зарубинского типа, а также керамику эпохи бронзы и скифскую.

У подножья городища в хорошо защищенной котловине, открытой к берегу Днепра, на высоте 10—15 м над уровнем реки расположено урочище, издавна носящее название «Церковщина» или «Церковище». В этом месте горный хребет, который тянется вдоль правого берега Днепра, достигая здесь исключительной высоты и представляя порой совершенно отвесную стену, прорезанную изредка небольшими балками, несколько отступает от Днепра, а затем вновь возвращается к берегу, образуя, таким образом, небольшую котловину, обрамленную почти отвесными обрывами горы (рис. 2).

Урочище это привлекало внимание археологов уже давно. В конце 80-х годов прошлого столетия небольшие разведочные шурфы здесь произвел Н. Ф. Беляшевский.¹ Не обратив никакого внимания на верхнее городище, Н. Ф. Беляшевский сосредоточил свои поиски в котловине, носившей название «Церковище».

В центре этой котловины, на значительной высоте над уровнем реки, по мнению Беляшевского, и было расположено древнее городище. Северо-западной стороной оно, по его мнению, примыкало к возвышенности, а юго-восточной, постепенно понижаясь, спускалось к берегу Днепра. С юго-восточной стороны «городище» было окружено рвом, глубина которого в хорошо сохранившихся частях достигала 3—4 м; местами ров почти совсем оплыл и изгладился. Огибая городище со стороны реки, этот ров упирался некогда в почти отвесные стенки котловины. За рвом Беляшевский описывал небольшой вал, высота которого доходила местами до 2,5—3 м. Понижающаяся к берегу Днепра местность, расположенная за рвом и валом городища, в свою очередь обрамлена валом, который также упирался своими двумя концами в боковые стенки котловины.²

Особое внимание исследователя привлек один из многих бугров, которыми была покрыта площадь котловины. Весь бугор, по свидетельству Беляшевского, состоял из извести, валунов различной величины, покрытых известкой, и многочисленных обломков кирпичей, также нередко покрытых известкой. Кирпичи по размерам и форме автор считал схожими с кирпичами из киевских построек «великокняжеского времени» — они в основном тонкие, хотя толщина их различна: $\frac{5}{8}$, $\frac{6}{8}$, 1 и $1\frac{1}{4}$ вершка. Ширина кирпича $3\frac{1}{2}$ в., длина же не могла быть установлена ввиду фрагментарности находок. Н. Ф. Беляшевский утверждал, однако, что в отличие от кирпичей киевских великокняжеских построек, кирпичи, найденные в Церковище, были не квадратные. Наряду с остатками строительных материалов в большом количестве попадались фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью. Преобладали фрагменты коричнево-красного цвета, но встречались и серовато-голубые, желтые, белые, зеленые и розовые. На многих кусках были видны остатки орнамента; так, коричнево-красное поле окаймлено черной полосой; серовато-голубое — двумя полосами: белой и коричнево-красной.

¹ Н. Ф. Беляшевский. Церковище возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевской губ. Киевская Старина, т. XXIV, 1889, январь, стр. 210—213.

² Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 210—211.

Нередко на белом фоне сделан орнамент в виде серых полуколец или колец; такой же фон окаймлен оранжево-красными полосами под прямым углом; на белом же фоне встречались бледнозеленые и красные полосы [«мраморировка»(?). — М. К.].

Кроме фрагментов фресок, были найдены куски поливных плиток: один с зеленой поливой, другой — с коричневой. Форма плиток квадратная ($4\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$ в.), толщина $\frac{1}{2}$ в. Многочисленные находки обломков керамики, в частности амфорного типа, стекла и других предметов позволяли отнести урочище к «великокняжескому времени».¹

Несмотря на незначительность площади разведки (раскоп представлял яму диаметром 1 арш., на глубину $\frac{1}{2}$ арш.), можно было несомненно считать, что в котловине сохранились развалины кирпичной постройки,

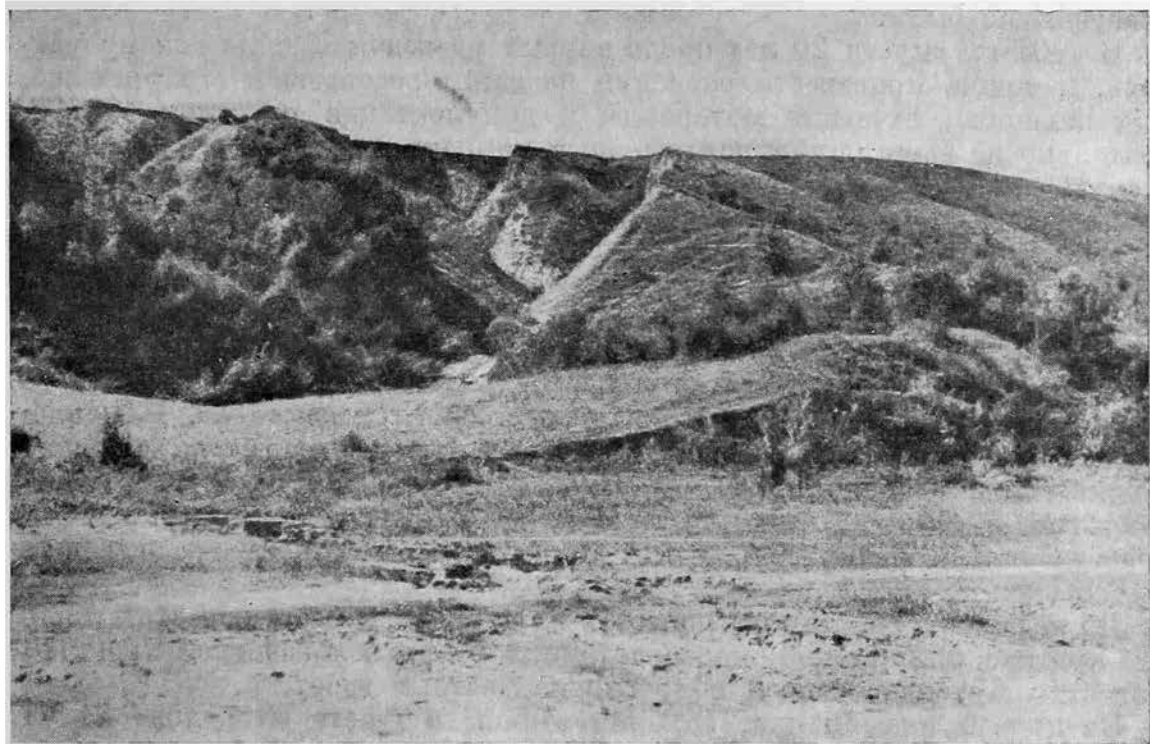

Рис. 2. Общий вид урочища Церковище.

декорированной фресковой росписью и поливными майоликовыми плитками. Бытующее название этой местности «Церковище» позволяло предполагать, что превратившаяся в руины древняя постройка была храмом. «Городище» в котловине Беляшевский отнес к «княжеской эпохе».²

Опубликованные в «Киевской Старине» наблюдения Н. Ф. Беляшевского редакция журнала сопроводила заметкой П. Л[ебединцева], который, связав описанное выше урочище с рядом летописных известий, отождествил его с древним городом Заруб.³

В те же годы Беляшевский обратил внимание на остатки «какого-то старинного укрепления», сохранившиеся несколько севернее Церковища, у дер. Монастырек, на берегу Днепра. Развалины эти состояли, по его словам, из нескольких рядов огромных валунов, наваленных один

¹ Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 211—212.

² Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 213.

³ П. Л[ебединцев]. К статье г. Беляшевского «Церковище возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевской губ.». Киевская Старина, т. XXIV, 1889, январь, стр. 213—217.

на другой, промежутки между которыми были заполнены мусором и тонким кирпичом, тождественным с найденным на Церковище. По словам исследователя, под слоями валунов обнаруживался могильник, кости из которого выпадали и скатывались на берег.¹

II

В 1901 г. Н. Ф. Беляшевский, судя по его заявлению в Археологическую комиссию от 17 V 1901, предполагал произвести на урочище Церковище раскопки, для чего Комиссией ему был выслан открытый лист на производство раскопок и перевод на 200 руб.² Однако письмом от 19 X того же года Беляшевский сообщил, что вследствие позднего получения денег и за отсутствием свободного времени раскопки им произведены не были.³

В 1907 г., спустя 20 лет после первых разведок, Беляшевскому удалось, наконец, произвести раскопки на заинтересовавшем его урочище. К сожалению, отчетные материалы и документация раскопок 1907 г. не только не были опубликованы, но и не были присланы в Археологическую комиссию, от которой исследователь получил открытый лист на производство раскопок.

В архиве Археологической комиссии сохранилось ходатайство Беляшевского от 22 III 1907 г. о выдаче ему открытого листа на производство раскопок на крестьянских землях у с. Трактомирова и д. Монастырек Каневского у. Киевской губ. По заявлению Беляшевского, раскопки должны были производиться «с целью открытия фундамента Зарубского монастыря, уничтоженного во время татарского нашествия». Раскопки должны были производиться за собственный счет исследователя; находки Беляшевский просил предоставить Киевскому музею. В деле есть копия открытого листа, выданного 16 IV 1907 (№ 458) на раскопки в пределах окрестностей с. Трактомирова и д. Монастырек, но отчета о произведенных раскопках нет.⁴

До недавнего времени о раскопках на Церковище были известны лишь две краткие информации, перепечатанные в «Археологической хронике» Известий Археологической комиссии из местных газет.

Из первой информации, опубликованной в газете «Подолія» 21 VI 1907 (№ 137), можно понять, что раскопки, начатые 15 июня в урочище Церковище, имели задачей «установить положение, а если возможно, то и форму постройки упоминаемого в летописи Зарубского монастыря». Уже первый день раскопок, по словам корреспондента, показал, что на урочище Церковище находился «обширный каменный храм»; были открыты части фундамента церкви, сложенного из камня; среди обломков найдены многочисленные куски штукатурки с остатками фресковой росписи, повидимому части сосудов-голосников, глазурованные плитки от пола, обломки оконного стекла и т. д.⁵

Более значительные данные можно почерпнуть из газеты «Киевские вести» от 27 VI 1907 (№ 16). Подводя итоги первой недели раскопочных работ, корреспондент сообщал (повидимому, со слов исследователя) об открытии всего фундамента с остатками стен существовавшей здесь в дотатарскую эпоху церкви Зарубского монастыря. «Церковь была небольших размеров: в длину 21, в ширину 16 м; сложена из типичных

¹ Н. Ф. Беляшевский, ук. соч., стр. 213.

² Архив ИИМК АН СССР. Фонд Арх. ком., дело № 91/1901 г.

³ Там же.

⁴ Там же, д. № 31/1907 г.

⁵ ИАК, Приб. к вып. 22, СПб., 1907, стр. 18.

для той эпохи тонких кирпичей-плиток; посреди церкви открыты части четырех массивных колонн [!М. К.], поддерживавших купол, восточная алтарная стена, состоящая из трех полукружий, большего по середине и меньших по бокам; в северо-западном углу церкви открыт погребальный склеп, прикрытый большой шиферной плитой».¹

Раскопанный в 1907 г. памятник, представлявший, судя по приведенному описанию, редкий в зодчестве Киева и Киевской земли образец небольшого четырехстолпного храма, остался совершенно неизвестным для историков древнерусского зодчества, если не считать беглого упоминания о нем в Путеводителе по Киеву К. Шероцкого.²

III

Мое первое знакомство с описанным выше урочищем относится к 1923 г. Посещение Церковища — с задачей ознакомления с руинами храма, раскопанного Беляшевским, — вызвало, однако, большое разочарование. На месте раскопанного храма не было видно ни малейших остатков древнего здания, если не считать куч щебня, покрывавших всю площадь холма, густо заросшего кустарником. Глубокий котлован на месте храма со следами рвов свидетельствовал о последовавшем за раскопками расхищении остатков древнего здания.

Поиски отчетных материалов Беляшевского, предпринятые мною в киевских, переяславских и ленинградских архивах, также оставались долгое время безуспешными. Однако убеждение в крупном научном значении раскопанного в 1907 г. памятника и уверенность в том, что большие работы, проведенные по его изучению в сравнительно недавнее время, не могли не оставить каких-либо следов, вдохновляли на новые и новые поиски в самых различных направлениях.

Первый след разыскиваемого памятника обнаружился, как это часто бывает, там, где меньше всего его можно было ожидать. В приобретенной мною несколько лет назад коллекции фотографий, связанных с реставрационными работами по Кирилло-Белозерскому монастырю, совершенно неожиданно удалось обнаружить несколько неаннотированных фотографий, в которых не без труда можно было узнать Церковище на Днепре. Фотографии фиксировали какое-то варварское разрушение памятника, с целью, которая не оставляла сомнений: на берегу Днепра лежали горы заготовленного к дальнейшей отправке бутового камня (рис. 3—4). Безусловное сходство всего окружавшего пейзажа с характером местности, где расположено Церковище, нарушалось только наличием деревянного моста через Днепр, которого на этом месте не было в 1923 г., нет его и теперь. Мост этот послужил направляющим указанием для дальнейших поисков.

Дальнейшие разыскания привели к совершенно неожиданным и, к сожалению, очень печальным для памятника документам, обнаруженным мною в архиве Археологической комиссии.³ Из официальной переписки выяснились следующие обстоятельства. Весной 1916 г. в разгар империалистической войны военное министерство приступило к постройке временного моста через Днепр, расположенного несколько южнее развалин Зарубского монастыря. Необходимый для строительства камень подвозился специальными баржами из расположенных поблизости каменоломен. Однако вскоре помощник начальника строительства инженер

¹ Там же, стр. 18.

² К. Шероцкий и др. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 345.

³ Архив ИИМК АН СССР. Фовд Арх. ком., д. № 73, 1916 г.

Андреев обнаружил в полосе отчуждения, т. е. почти непосредственно на строительной площадке, вскрытые раскопками 1907 г. развалины древнего храма. Остатки кирпичных стен храма и особенно каменная кладка его фундаментов были разбиты, «вычищены» из рвов, свалены под откос на берег и увезены на постройку.

29 апреля 1916 г. Археологическая комиссия была извещена телеграммой хранителя Полтавского музея Щербаковского об «открытии» фундаментов древнего храма и четырех шиферных гробниц, а также

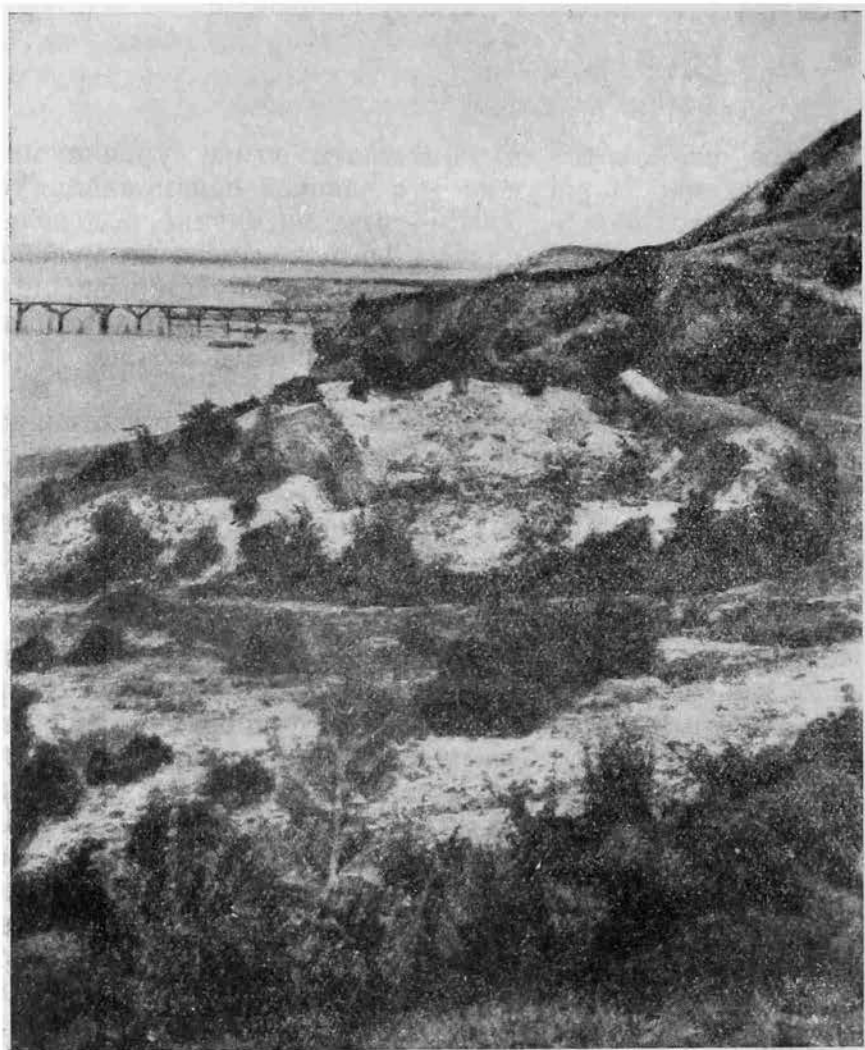

Рис. 3. Общий вид развалин Зарубского монастыря после выборки фундаментов в 1916 г.

об употреблении части фундаментов на постройку моста и угрозе полного уничтожения памятника. Ходатайство Археологической комиссии о принятии мер охраны памятника было получено полтавским губернатором, когда на месте древних развалин остались лишь рвы от выбранной дочиста кладки фундаментов.

Два месяца спустя сообщение о разрушении развалин Зарубского монастыря стало известно в Киеве. Командированные Киевским обществом охраны памятников старины и искусства члены общества В. П. Пещанский и А. Д. Эртель обследовали состояние разрушенного памятника, произвели обмеры и фотографирование. Обстоятельный отчет

О их поездке с приложением плана развалин сохранился в указанном «деле» Археологической комиссии. Несомненно во время этой же поездки были сделаны упомянутые выше фотографии, на которых есть дата «1916 г.».

Необходимо отметить, что названные авторы имели весьма смутное представление о раскопках, произведенных здесь в 1907 г.; во вся-

Рис. 4. Рвы от фундаментов храма и шиферная гробница в 1916 г.

ком случае, план раскопанного Беляшевским храма и характер его раскопок были им неизвестны. Раскопки, по их мнению, были произведены в 1905 г., по одним сведениям В. Б. Антоновичем, по другим Н. Ф. Беляшевским, на средства, предоставленные Киевским генерал-губернатором Сухомлиновым.

«Раскопки 1905 г., — говорится в отчете, — очевидно, имевшие задачей находку вещей, обнаружили и, быть может, вскрыли, до известной степени, стены древней церкви византийского типа, но ими далеко не был

установлен весь план церкви и, несомненно, не были обследованы ни уцелевшие части стен, ни фундаменты». Подтверждение этого предположения авторы отчета видели в том, что «земля, вырытая из канав в западной части храма, была свалена на оставшуюся тогда не вскрытой и самую важную часть храма — восточную».

План храма, выясненный обмерами канав, оставшихся от фундаментов (рис. 5), Пещанский и Эртель характеризуют следующими словами: «Церковь имеет в ширину 7.5 саж., в длину 15 саж. Кроме обычного нартекса, прибавлен еще один поперечный неф. Такое число поперечных нефов имеют, например, Киевская и Новгородская София и Спасский собор в Чернигове». Главную особенность плана, по мнению исследователей, «составляет северная апсида, уширенная до размеров главной, вследствие чего северная стена ее на 1.5 саж. выступает относительно плоскости стены северного нефа». Особенность эту, не встречаемую в других храмах великокняжеского времени, исследователи пытались объяснить тем обстоятельством, что в церкви ближе к северной стене был найден остаток шиферной гробницы, обложенной кирпичной кладкой с остатками погребения, для которого было устроено особое место, причем, в противоположность двум другим гробницам, найденным в храме ниже уровня пола, эта гробница расположена поверх пола. Исследователи высказывали предположение, что в описываемой гробнице было погребено особо почитаемое лицо. При постройке церкви, дабы это особо почитаемое погребение оставить на месте и сделать доступным поклонению, было сделано указанное отклонение от традиционного плана.

По мнению авторов отчета, восточная половина церкви (главная и южная апсиды) надежно скрыта под землей, частью нетронутой, а частью заваленной раскопками 1905 г. Исследование кирпича, раствора и сохранившейся местами кладки стен и фундаментов здания приводили их к выводу, высказанному с большой уверенностью, о датировке развалин храма XII в. Подкрепление этой даты они видели также в отсутствии под фундаментами здания деревянных лежней, характерных для киевских построек X—XI вв. и «в большей свободе в плане, сравнительно со зданиями чисто византийскими XI в.».

Из отчета видно, что кроме описанной выше гробницы, найденной у северной стены здания (рис. 5, 3), в восточной части развалин (авторы отчета называют ее «алтарной частью») были найдены еще две шиферные гробницы, расположенные на 0.25 саж. ниже уровня пола (рис. 5, 1, 2). Гробница 1 представляла собою две шиферных плиты длиной 1.89 м, высотой 0.44 м и толщиной 0.7—0.8 м, поставленных на ребро на землю, на расстоянии 0.42 м и прикрытых сверху шиферной плитой (длина 1.89, ширина 0.76 и толщина 0.11 м), образуя ящик без дна, в который, судя по сохранившимся остаткам дерева, был вставлен деревянный гроб.

Гробница 2 отличалась от первой лишь тем, что у нее имелось и дно, — шиферная плита, концы которой на несколько сантиметров выступали из края вертикальных боковых плит. По концам вертикальных плит в обеих гробницах просечены пазы, в которые были задвинуты квадратные шиферные плиты соответствующих размеров, образующие поперечные стенки гробниц.

К моменту обследования в гробницах ничего, кроме отдельных костей и кусков дерева, не было. По словам местного крестьянина, при обнаружении гробниц в одной из них был найден «якийсь обруч из бляшок». Очевидцы сообщали также о том, что при «раскопках» инженера Андреева было обнаружено много других погребений и что кости из них были раз-

бросаны, а черепа унесены посетителями, в том числе какими-то «студентами из Киева».

Авторы отчета утверждали, что ими «подмечены достаточно определенные признаки возможности существования вблизи церкви под землей других служебных строений».

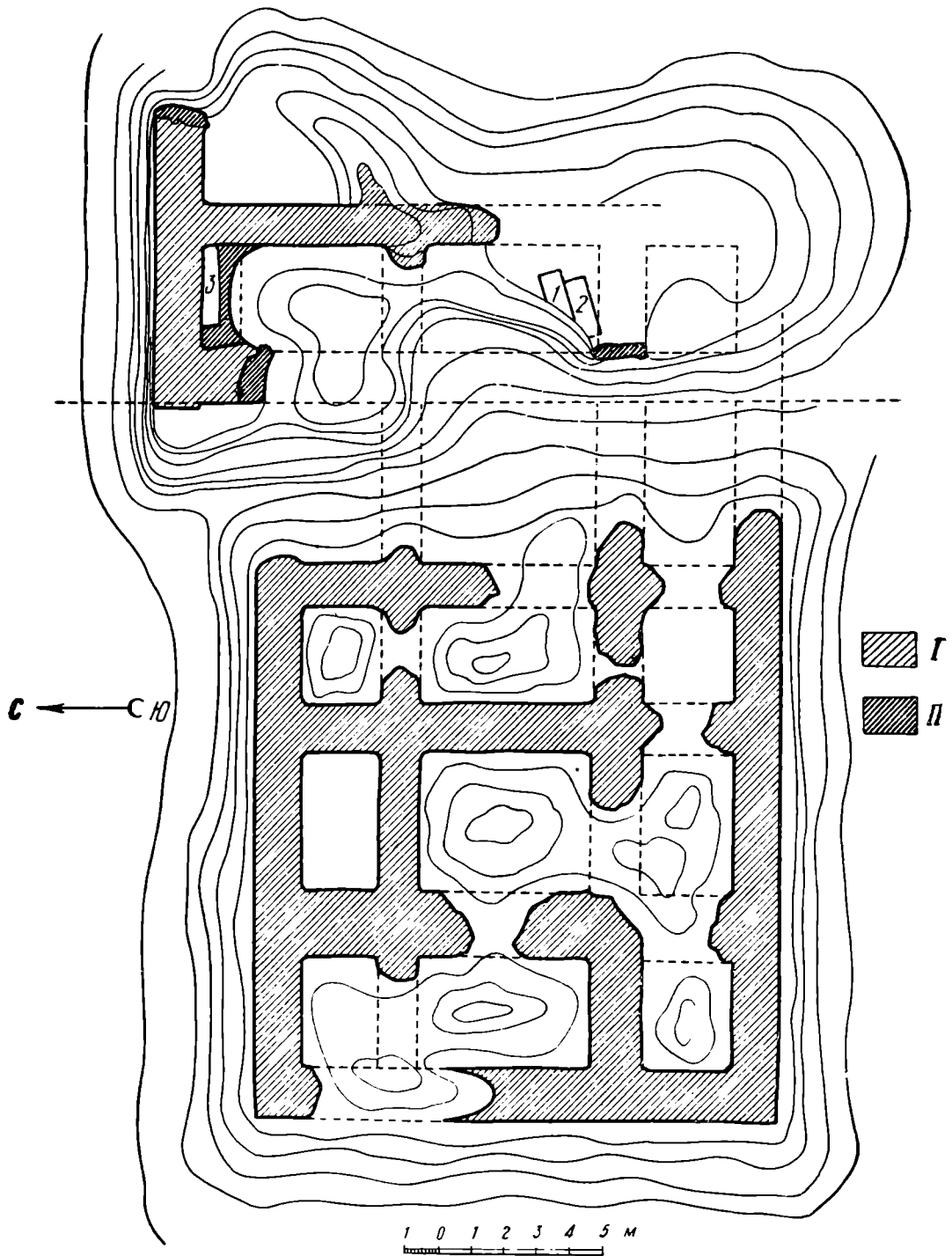

Рис. 5. План рвов от фундаментов Зарубского монастыря (по обмерам В. Пещанского и А. Эртеля 1916 г.).

I — фундаментные рвы с уничтоженной кладкой; *II* — сохранившаяся кладка стен; 1, 2 — шиферные гробницы; 3 — остатки шиферной гробницы, обложенной кирпичной кладкой.

Несмотря на значительный интерес обнаруженного в делах Археологической комиссии плана развалин, исполненного по обмерам 1916 г.

и фотографий того же времени, восстановить по этим материалам характер раскопанного в 1907 г. храма все же было весьма затруднительно.

Необходимо прежде всего отметить, что интерпретацию плана, предложенную его авторами, нельзя ни в коем случае признать удовлетворительной, доверяя в то же время точности самих обмеров. Восточную часть развалин, несмотря на то, что она вскрыта лишь частично, нельзя, на мой взгляд, представлять в качестве алтарной части храма не только потому, что северная ее стена выступает за линию северной стены западной части храма (объяснение этого обстоятельства, предложенное авторами отчета, слишком натянуто и мало убедительно), а и по соображениям гораздо более существенным. План здания в целом, если принять за основу соображения авторов отчета, представлял бы совершенно не имеющую прецедентов в русском зодчестве X—XIII вв. композицию из дважды повторенных в среднем нефе здания квадратных членений, чередующихся с трижды повторенными прямоугольными членениями, вытянутыми по оси С—Ю. Сравнение этого плана с планами пятинефных храмов XI в. (Киевская и Новгородская София) вообще неуместно, но если даже и прибегать к нему, то все же и в названных памятниках квадратных в плане членений в западных частях среднего нефа никогда не было и быть не могло.

Местоположение двух саркофагов в восточном членении среднего нефа также решительно противоречит трактовке этой части здания как алтарной. Нельзя же думать, что саркофаги были установлены в главном алтаре храма. Трактовка развалин, раскопанных Беляшевским, как храма, имевшего по меньшей мере восемь столбов, явно противоречит к тому же приведенным выше информациям о раскопках, где речь идет о четырехстолпном храме.

Все эти соображения приводят к выводу о том, что нераскопанную и неразрушенную в 1916 г. восточную часть развалин ни в коем случае нельзя считать алтарной частью раскопанного Беляшевским храма. Стало ясно, что для окончательного суждения о последнем план Эртеля и Пещанского, зафиксировавших жалкие остатки памятника после варварского его разрушения, давал недостаточные данные. Учитывая невозможность повторных раскопок, ввиду полного разрушения памятника, приходилось вновь возвращаться к старой задаче — поискам отчетной документации раскопок Беляшевского.

Несколько лет тому назад в собрание чертежей Киевского Софийского архитектурного заповедника из частного архива поступили различные материалы, среди которых оказался план развалин малого Зарубского храма, исполненный непосредственно после окончания раскопок 1907 г. План этот представляет если не последнее, то во всяком случае самое важное звено для характеристики раскопанного Беляшевским храма.¹

План этот (рис. 6) полностью подтвердил выводы, сделанные на основе изучения плана 1916 г. Западная часть развалин, уничтоженная в 1916 г., оказалась, как это и высказано выше, остатками стен и фундаментов небольшого четырехстолпного трехапсидного храма с характерными и типичными для зодчества XII в. пропорциями основных членений и, к тому же, сохранившимися некоторые любопытные архитектурные особенности.

К числу этих особенностей нужно отнести пустотелые полуколонны на фасадах храма, к тому же (если доверять точности наблюдений при расчистке и фиксации) приставленные не к лопаткам, как обычно, а непосредственно к плоскости фасадов. Пустотелые полуколонны не являются

¹ Выражаю благодарность дирекции Софийского архитектурного заповедника Академии архитектуры УССР за предоставление фотографии с этого плана.

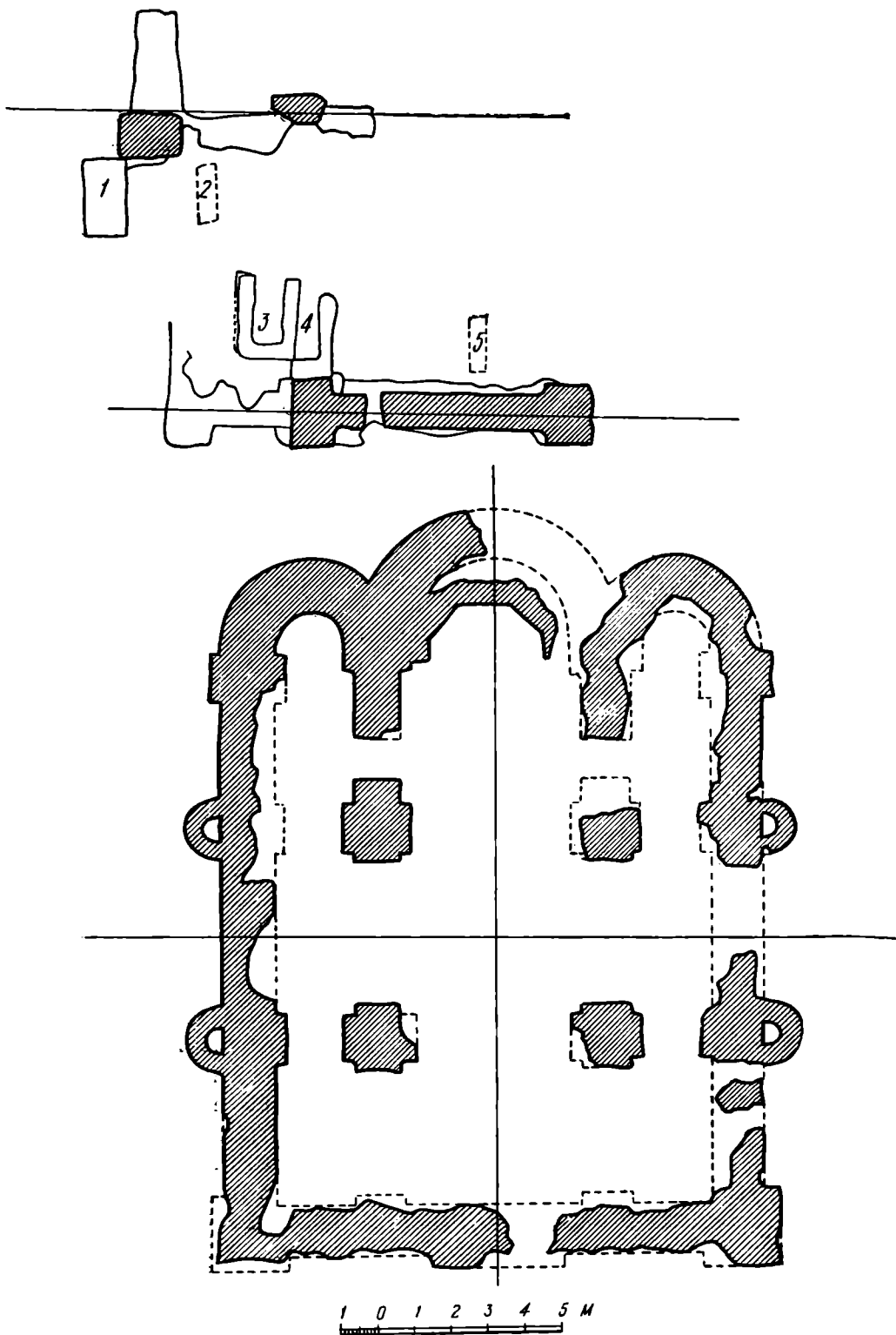

Рис. 6. План малого храма Зарубского монастыря (по обмерам 1907 г.).
1, 2, 3, 4, 5 — погребения.

для киевского зодчества конца XII в. полной неожиданностью. Подобные полуколонны были (до разборки храма) на северной стене известной киевской церкви Василия (Трехсвятительской), выстроенной в конце XII в.¹ Заслуживает также внимания своеобразная трапециевидная форма скамьи в средней апсиде храма.

По вопросу о дате раскопанного Беляшевским храма существуют различные точки зрения. Сам исследователь, если доверять писавшим с его слов корреспондентам, выдвигал лишь весьма общую датировку, относя храм к «дотатарскому времени». А. Д. Эртель и В. П. Пещанский уверенно относили постройку к XII в. К. Шероцкий столь же уверенно относил ее к XI в.

Полное отсутствие каких-либо описаний и, тем более, графической фиксации типа кладки стен разрушенного храма, затрудняют уточнение датировки памятника. Что касается плана здания, то он ближе всего к плану известной киевской церкви Василия, выстроенной, повидимому, в 1184 г. Близость этих памятников усугубляется не только сходством декоративных приемов членения фасадов полуколоннами, но и размещением этих полуколонн только в средних членениях северного и южного фасадов обоих храмов. Выше уже отмечалась и общность технического решения в применении в обеих постройках пустотелых полуколонн.

IV

Для решения вопроса о том, что представляла собой постройка, внутри которой еще раскопками Беляшевского в 1907 г., а не в 1916 г., как предполагали Пещанский и Эртель, были открыты три шиферных саркофага, один из которых был обложен кирпичной кладкой, необходимы были новые раскопки широкой площадью к востоку от апсид раскопанного Беляшевским храма. Судя по плану Беляшевского, небольшие раскопки к востоку от апсид храма были осуществлены еще в 1907 г., но они раскрыли лишь незначительные части стен какого-то здания, общий характер которого остался невыясненным. На одной из фотографий 1916 г. видно, что кладка стены (подле саркофагов), сохранившаяся на довольно значительную высоту, уходит в нераскопанную толщу культурного слоя, состоящего в основном из строительных остатков (рис. 7). Нельзя не обратить внимания на то, что кладка эта, представляющая чередование рядов камня и плоского кирпича, отнюдь не позволяет отнести эту часть руин ко времени позже конца XI или самого начала XII в. Если малый четырехстолпный храм был выстроен, как и его аналог — церковь Василия — в конце XII в., то приходится сделать вывод, что он был выстроен поблизости от более древней постройки, назначение которой предстояло выяснить новыми раскопками.

Наличие на площади холма Церквище многочисленных остатков строительных материалов и общий рельеф участка не оставляли сомнений в том, что раскопанный в 1907 г. храм и частично вскрытая теми же раскопками более древняя постройка не исчерпывают архитектурных остатков этого интереснейшего урочища.

Новую попытку раскрыть развалины здания, сохранившегося к востоку от малого храма, произвел тот же Н. Ф. Беляшевский, при участии И. В. Моргилевского, в 1918 г.² Раскопками были открыты три погребе-

¹ Д. В. Айналов. Искусство Киевского периода. История русской литературы, т. I, изд. АН СССР, стр. 32.

² Единственной информацией об этих раскопках является заметка «Раскопки в Зарубьском монастыре», напечатанная в хронике журнала «Наше минуле», ч. 2, Киев, 1918, стр. 200—201.

ния и «фундаменты нескольких стен древней кладки», «назначение которых нельзя было точно понять». Судя по тому, что «стены были обнаружены вокруг погребений», на стенах и возле них найдены остатки фресковой росписи, исследователи делали вывод, что развалины представляют «остатки постройки, предназначенной для погребений, — склепа, или

Рис. 7. Часть кладки и шиферные саркофаги (1916 г.).

подвала церкви». Глубина фундаментов, техника кладки и техника фресковой росписи приводили к выводу, что постройка относится приблизительно к тому же времени, как и малая церковь, раскопанная в 1907 г.

V

В августе—сентябре 1948 г., спустя 25 лет после первого посещения Церковища, мне удалось провести здесь археологические раскопки разведочного характера, результаты которых, несмотря на сравнительно

небольшой объем проведенных работ, внесли много нового в понимание памятников Зарубинского района, в частности раскопками были вскрыты, хотя неполностью, развалины большого храма Зарубского монастыря. Раскопки этого храма были завершены полностью в июле—августе 1949 г.¹

Прежде чем обратиться к результатам раскопок на Церковище, необходимо отметить, что разведочные раскопки на территории верхнего городища позволили решительно отвергнуть мысль о связи этого городища с известным по летописным свидетельствам городом Заруб. Городище над развалинами Зарубского монастыря, в эпоху жизни монастыря (XI—XIII вв.), было уже давно заброшено и забыто. Среди многочисленных находок на городище нет ни одной, которую можно было бы связать с культурой Киевской Руси X—XIII вв.

Фрагменты керамики, найденные при раскопках на городище в огромном количестве, относятся к трем периодам. Наиболее значительную часть составляют фрагменты грубых лепных толстостенных сосудов большого размера, которые по форме и керамической технике можно ближайшим образом сопоставить с керамикой Зарубинского и Корчеватовского могильников. К этой же эпохе, повидимому, нужно отнести и сравнительно немногочисленные фрагменты черной лощеной посуды.

Наряду с этим на городище встречена керамика скифского времени и еще более ранняя — богато орнаментированная керамика эпохи бронзы.

Все это заставляет отнести городище, расположенное на горе над развалинами Зарубского монастыря, к значительно более древнему времени, чем это принято было думать, и решительно отвергнуть мысль о связи этого поселения с летописным городом Заруб, охранявшим в XI—XIII вв. переправу через Днепр в Левобережье. Для более обстоятельной характеристики многовековой истории этого поселения мы располагаем пока слишком недостаточными данными. Разведочные раскопки 1948 г. позволяют, однако, уверенно исключить названное городище из числа памятников киевской культуры домонгольского периода.

Вместе с тем результаты разведок 1948 г. ставят исследователей культуры Киевской Руси перед необходимостью дальнейших поисков действительных остатков исторического Заруба. Путь к решению этой задачи был лишь предварительно намечен работами экспедиции 1948—1949 гг. Поиски развалин города Заруб привели к обнаружению нескольких городищ значительно южнее развалин Зарубского монастыря, близ ныне существующего села Зарубинцы. Одно из них, находящееся в непосредственной близости к селу, на высокой неприступной Батуровой горе, господствующей над рекой (рис. 8), расположено к тому же напротив древнего городища, находящегося на левом берегу Днепра у впадения реки Трубеж. Это последнее городище, повидимому, является остатком известного по русским летописям города Устье, который должен был охранять с противоположного берега тот же Днепровский брод. Раскопки Зарубского городища, к сожалению крайне разрушенного, стоят в плане работ Киевской экспедиции ближайших лет.

¹ В раскопках, проведенных Киевской археологической экспедицией АН СССР и АН УССР под руководством автора, принимали участие: в 1948 г. — аспирант Института им. И. Е. Репина АН СССР М. В. Малевская, архитектор Е. М. Лавровская, студенты-практиканты Ленинградского Гос. университета и Института им. И. Е. Репина: Э. Д. Добровольская, Р. Ш. Левина, Е. Ляшенко, М. Д. Малченко, Л. Р. Никифорова, Е. Г. Сидоренко, Е. В. Федоровская, В. В. Фролова, Т. А. Шубникова; в 1949 г. — мл. научн. сотр. ЛОИИМК П. А. Раппопорт, ст. лаборант ЛОИИМК М. Г. Агаронян, лаборанты Л. Е. Ковалевская, Р. Ш. Левина, студенты-практиканты ЛГУ и Института им. И. Е. Репина, А. Н. Кирпичников, Е. Ляшенко, М. Д. Малченко, А. Плешкова, Е. Г. Сидоренко, В. В. Фролова, Т. А. Шубникова.

Основная задача раскопок 1948—1949 гг. заключалась в выяснении ряда вопросов, связанных с развалинами Зарубского монастыря. Выше уже отмечалось, что в непосредственной близости от раскопанных в 1907 г. развалин чегырехстолпного храма, к востоку от его апсид, сохранились остатки какого-то другого древнего сооружения. Оно было частично вскрыто в 1907 г. раскопками Н. Ф. Беляшевского, но оставлено последним без внимания, вновь обнаружено после разрушения развалин раскопанного храма в 1916 г. и тогда ошибочно понято как часть развалин малого храма и, наконец, подверглось новым частичным раскопкам в 1918 г., однако и на этот раз безуспешно. Открыв отдельные части фундамента этого сооружения, исследователи не смогли даже определить общий характер и назначение сооружения.

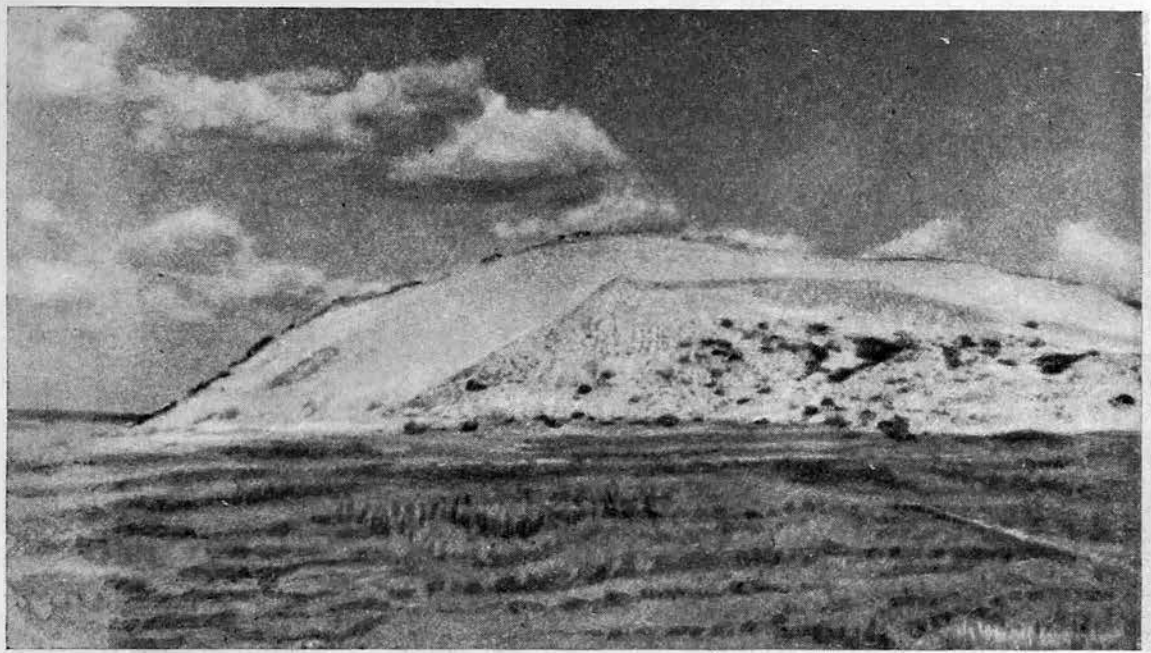

Рис. 8. Городище на Батуровой горе.

После раскопок 1918 г. это загадочное и в основной части еще нераскопанное сооружение постигла участь развалин малого храма Зарубского монастыря. Неизвестно, когда и кем бутовая кладка фундамента этого сооружения, повидимому оставленного после частичных раскопок 1918 г. незасыпанным, была использована в качестве строительного материала.

К началу наших раскопок холм Церковище представлял в западной его части глубокий котлован, образовавшийся от выемки фундаментов малого храма. Несмотря на то, что рвы от фундаментов этого храма несколько заплыли и покрылись густыми зарослями, основные линии фундаментных рвов прослеживаются и сейчас еще достаточно ясно.

Восточная часть холма также покрыта густо разросшимся кустарником (рис. 9). В западной половине ее в непосредственном соседстве с котлованом от малого храма, т. е. как раз на том месте, где были обнаружены западные части второй постройки, находится сейчас глубокий котлован. В отличие от котлована малого храма, где хорошо прослеживаются фундаментные рвы, котлован в западной половине восточной части холма имеет форму прямоугольной ямы (11×15 м). Выемка бутовой кладки здесь производилась не по трассе рвов, а сплошным котлованом. Поверхность восточной половины восточной части холма покрыта грудами мелкого щебня, выброшенного сюда при работах в западной половине.

Считая западную половину восточной части холма безнадежно испорченной глубоким котлованом, мы начали раскопки в восточной половине холма. Под мощным завалом строительного щебня, толщина которого достигала порой 0.60—1.50 м, в первые же дни работ удалось обнаружить остатки древнего пола здания, представлявшего известковую заливку, положенную непосредственно на материковый грунт. Местами в заливке сохранились *in situ* керамические плитки квадратной формы (0.19×0.19×0.025 м), покрытые поливой желтого, зеленого или коричневого цвета (рис. 10). В большом количестве фрагменты таких плиток попадались в слое щебня, покрывавшего пол здания.

Рис. 9. Урочище Церковище (с юго-востока).

В северной части раскопа вскоре удалось обнаружить нижние ряды кирпичной кладки стены здания (рис. 11). Размер и характер кирпичей, а также известковый раствор с примесью мелко толченого кирпича, не оставляли сомнений в большой древности обнаруженного здания. В восточной части кирпичная кладка стены оказалась разрушенной, но под ней была обнаружена бутовая кладка фундамента, заложеного на глубину до 1.80 м от поверхности пола (рис. 12). Кладка эта сохранилась тоже далеко не полностью; восточная часть ее оказалась выбранной, но там, где не сохранилась кладка, хорошо прослеживались границы фундаментных рвов, вырезанных в плотном материковом лёссе (см. план, рис. 11). Вместо выбранной бутовой кладки рвы были засыпаны щебнем и землей. В некоторых рвах местами обнаруживалась недовыбранная древняя бутовая кладка.

Раскрывая раскопками частично кирпичную кладку стен здания, частично бутовую кладку фундаментов, или, наконец, прослеживая там, где и кладка стен и кладка фундаментов были выбраны, лишь границы

фундаментных рвов, удалось с достаточной степенью уверенности восстановить план всего здания (рис. 13—14).

Раскопками 1948—1949 гг. удалось обнаружить фундаментные рвы трех апсид с восточной стороны здания, рвы северной, южной и западной стен, а также три рва поперечных ленточных фундаментов на оси трех пар столбов храма (рис. 14—15). Степень сохранности рвов и заполнявшей их бутовой кладки весьма различна.

Хорошо сохранившаяся бутовая кладка фундамента, сложенного из валунов и песчаника, обнаружена в местах стыка средней апсиды с северной и южной апсидами.

Рис. 10. Развалины большого храма (пол из поливных плиток).

Наиболее сохранным оказался фундамент, идущий от стыка средней и северной апсид к северо-восточному столбу храма. Здесь не только полностью сохранилась бутовая кладка фундамента, но и кирпичная кладка стены на стыке апсид и кладка северо-восточного столба. Между ними в проеме, ведущем из средней апсиды в северную, фундамент прикрыт хорошо сохранившимся участком пола из керамических майоликовых плиток (рис. 11).

К югу от северо-восточного столба фундамент выбран, но на дне фундаментного рва, соединявшего северо-восточный и юго-восточный столбы, хорошо сохранились отпечатки больших валунов бутовой кладки.

К северу от северо-восточного столба, в северной части того же поперечного рва, сохранившаяся кладка фундамента опускалась к северу двумя ступенями, имевшими довольно гладкие обрезы и поверхности. Назначение этих ступенчатых уступов фундамента осталось невыясненным.

Бутовая кладка сохранилась также в южной части этого же поперечного рва, к югу от юго-восточного столба.

Характерной, ранее неизвестной в киевском зодчестве, конструктивной особенностью здания была своеобразная структура ленточных фун-

даментов. В отличие от всех других известных нам памятников киевского зодчества X—XII вв., в Зарубском храме имеются лишь поперечные ленточные фундаменты, расположенные на оси трех пар столбов;

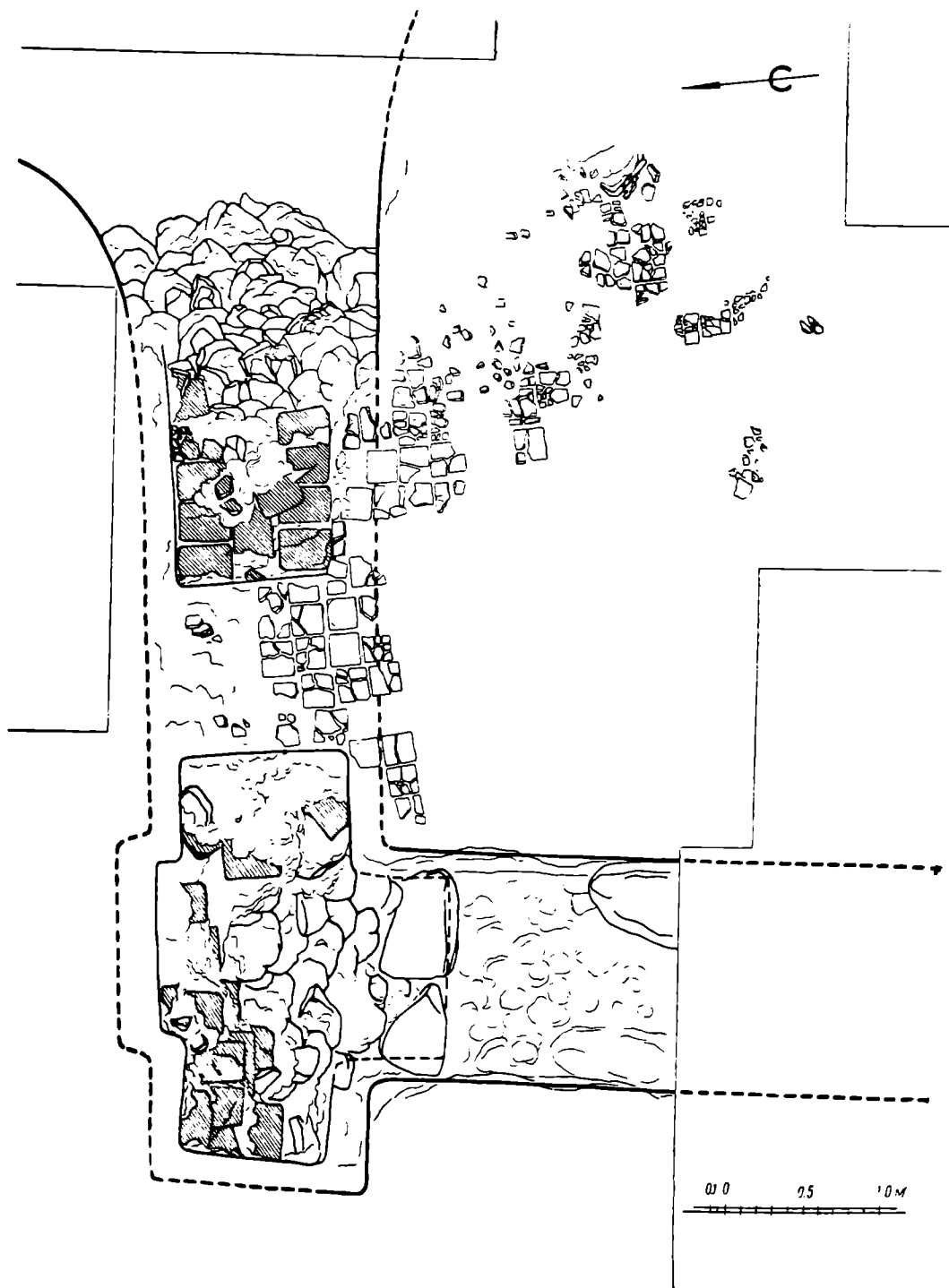

Рис. 11. План восточной части среднего нефа большого храма (раскопки 1948 г.).

по оси ВЗ столбы не были связаны между собой фундаментами. В местах, где были расположены столбы храма, поперечные ленточные фундаменты имеют расширения в две стороны в виде лопаток.

Раскопанной восточной части здания, разумеется, было совершенно недостаточно для реконструкции плана постройки в целом. Перво-

начально казалось безнадежным искать какие-либо следы западной ее части, уничтоженной, как отмечено выше, глубоким котлованом. Однако тщательными поисками на дне котлована удалось установить, что, несмотря на значительную его глубину, нижние части рвов, с остатками,

Рис. 12. Бутовая кладка фундамента большого храма (раскопки 1948 г.).

или, хотя бы, со следами недовыбранной кладки, все же сохранились. Глубина остатков этих рвов порой была совершенно незначительна (0.05—0.1—0.2 м), но для реконструкции плана здания и этого было достаточно.

На дне котлована удалось, прежде всего, установить трассу рва поперечного ленточного фундамента на оси западной пары подкупольных

столбов; на дне его сохранились остатки раствора и бутовой кладки. Ров этот находится почти точно на восточной границе котлована, получившегося при выемке бутовой кладки фундаментов в западной части храма. Поэтому, восточная стенка рва поднимается на некоторую высоту от дна рва, а западная стенка срублена и прослеживается только на крайних (северном и южном) участках рва.

К западу от этого рва были обнаружены остатки второго поперечного рва ленточного фундамента на оси западной пары столбов храма. Ров этот, находившийся в средней части котлована, сохранился хуже всех остальных. Удалось проследить лишь его западную границу и то неполностью. Восточная его граница прослеживалась только в северной части (между северной стеной и северо-западным столбом).

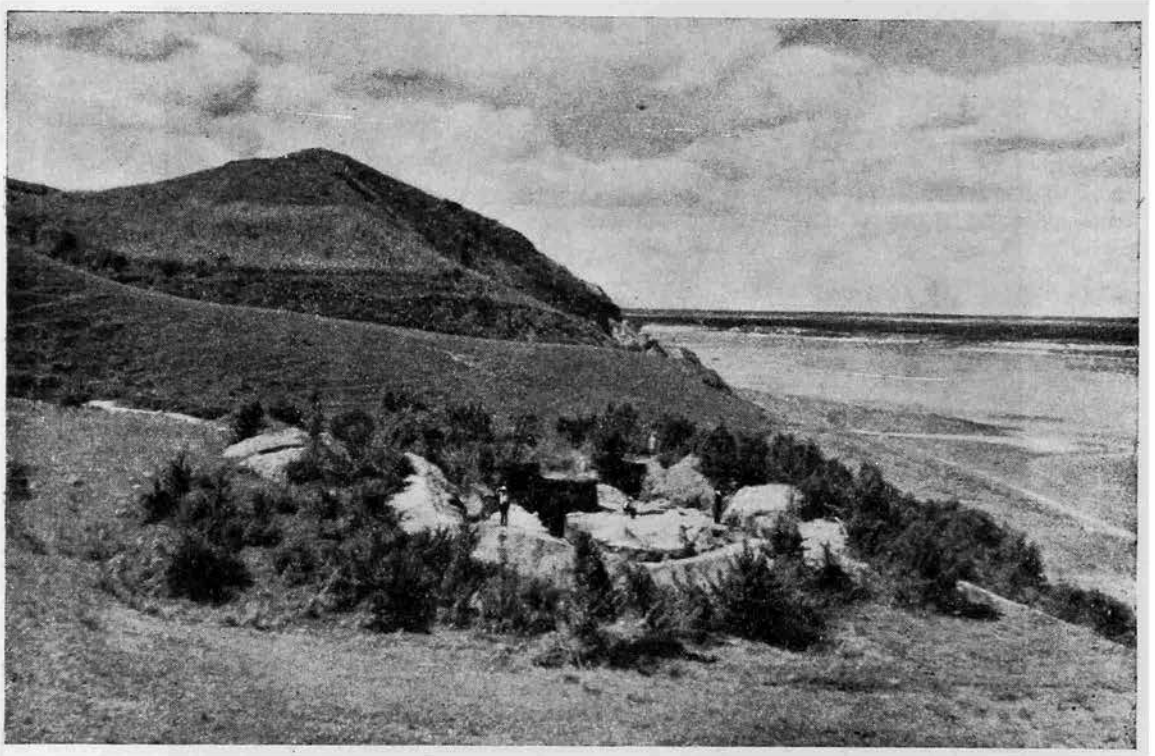

Рис. 13. Общий вид развалин большого храма после раскопок 1949 г.

На оси этого рва в южном конце была обнаружена лопатка южной стены храма, сохранившаяся в виде мощного блока бутовой кладки *in situ* (рис. 16).

В юго-западном углу котлована была обнаружена отлично сохранившаяся бутовая кладка фундамента юго-западного угла здания с южной и западной лопатками. Массив бутовой кладки на обоих указанных участках расчищался изнутри котлована, почему на фотографии кладка фундамента представлена как бы в разрезе (рис. 16, см. также рис. 15).

Вдоль западного края котлована удалось проследить полностью очертания фундаментного рва западной стены здания. Если внешняя и внутренняя линии этого рва сохранились довольно плохо, то на дне рва хорошо прослеживались остатки бутовой кладки фундамента западной стены (рис. 17). Местами сохранились камни фундамента *in situ*, местами лишь отпечатки камней в растворе. В северной части рва, на оси северных столбов сохранились внутренняя и внешняя лопатки, по аналогии с которыми реконструированы аналогичные лопатки на той же стене на оси южных столбов.

Фундаментные рвы южной и северной стен храма, засыпанные строительным мусором, хорошо сохранились на всем их протяжении. На дне рва южной стены, кроме отмеченных выше двух больших блоков бутовой

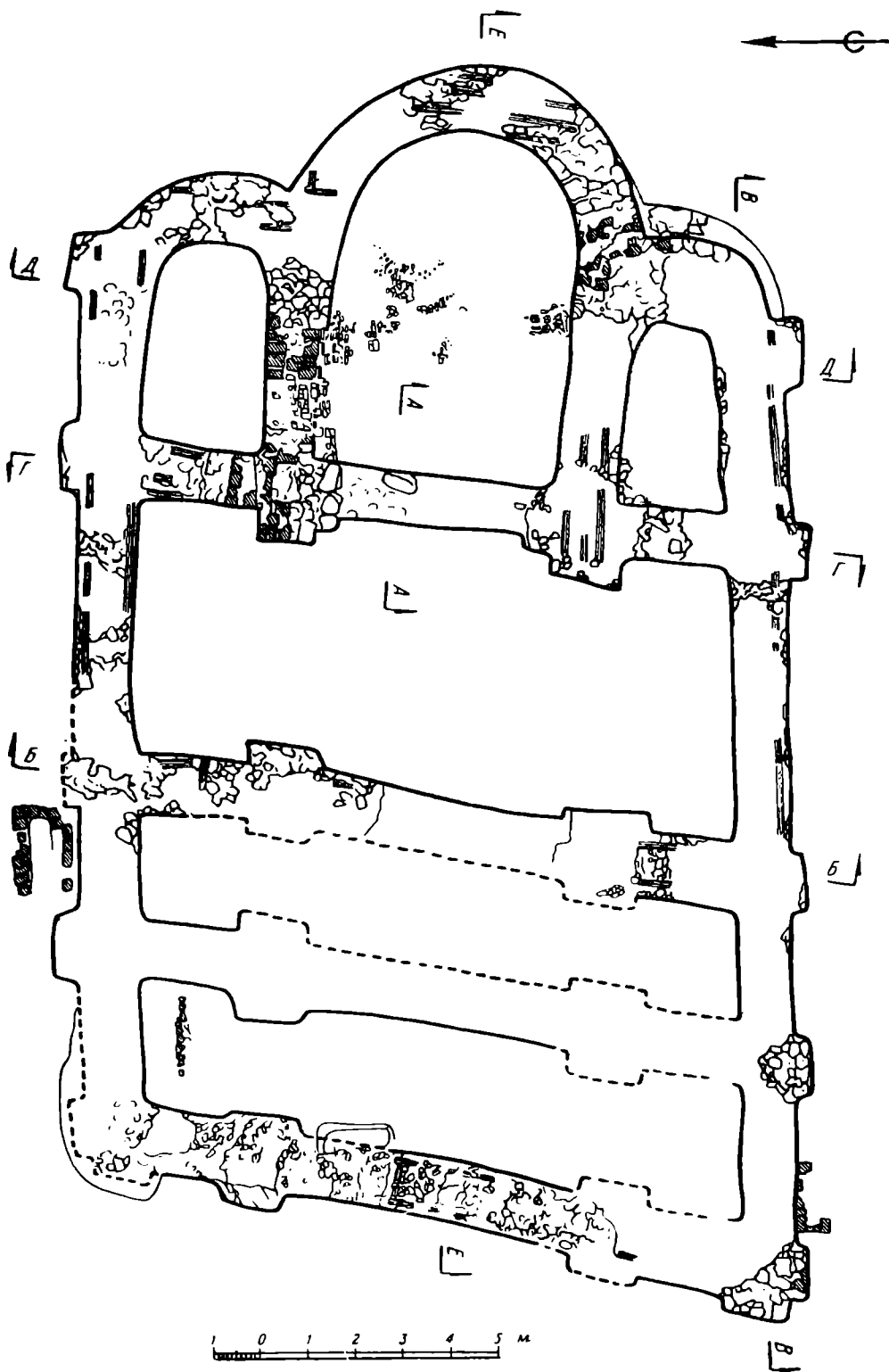

Рис. 14. План большого храма (по материалам раскопок 1948—1949 гг.).

кладки, сохранились еще незначительные остатки кладки в восточной части рва, около второй восточной лопатки. Незначительные остатки кладки прослежены также и на дне рва северной стены храма в средней

ее части. На внешней линии рвов южной и северной стен отлично сохранились следы наружных лопаток, по четыре с каждой стороны.

Наружные стены здания и поперечные ленточные фундаменты имеют на всем протяжении достаточно правильные прямые линии. Однако

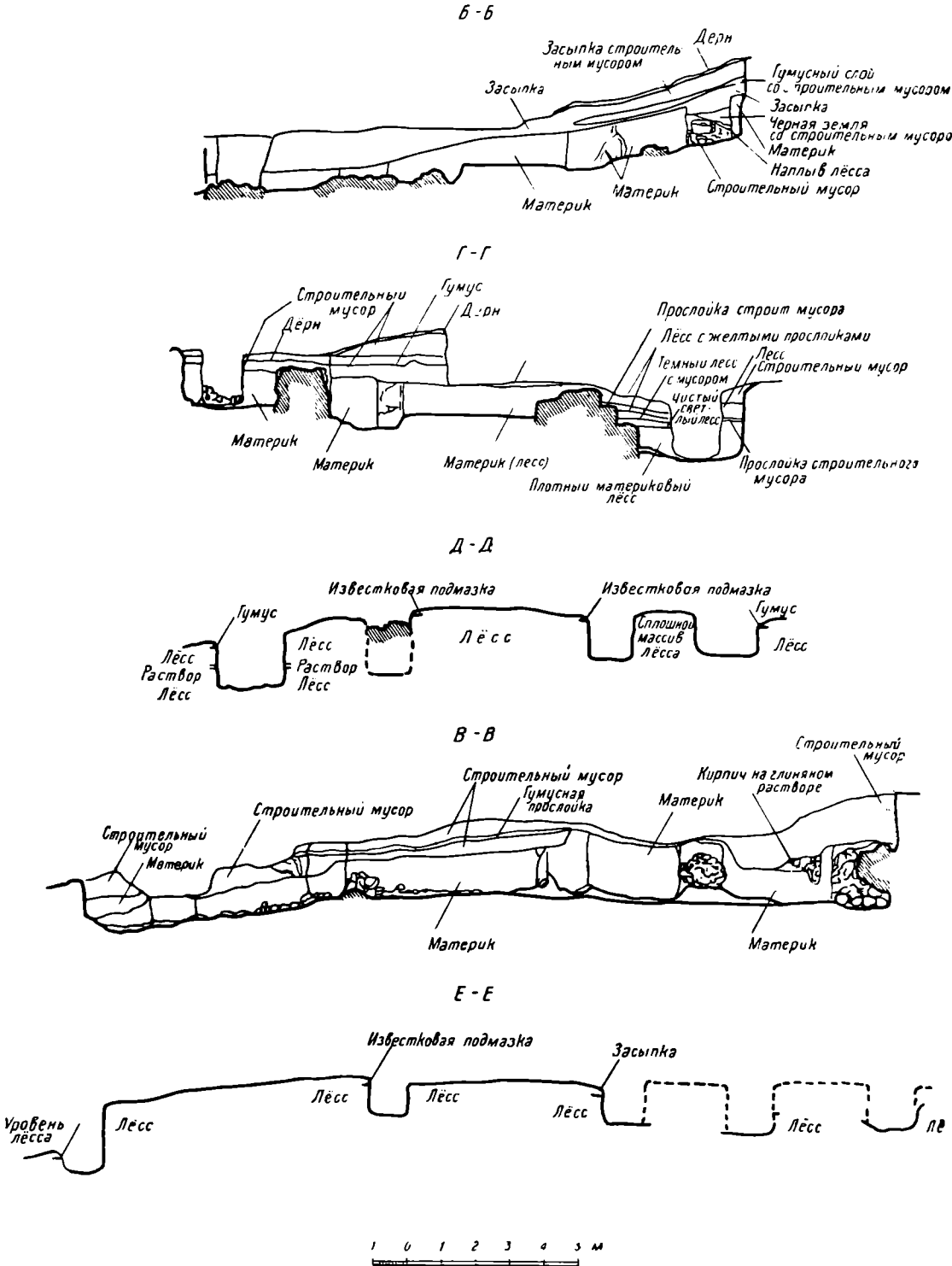

Рис. 15. Разрезы фундаментных рвов большого храма.

план здания в целом отличается чрезвычайно выраженным перекосом по диагонали, ввиду чего все сочленения продольных и поперечных фундаментных рвов в храме сделаны не под прямыми, а под острыми, или тупыми углами. Черта эта свидетельствует о том, что мастера, раз-

бывавшие план здания на местности с помощью шнура, не обладали достаточными знаниями и навыками угломерных построений.

Тщательное исследование подошвы бутовой кладки в фундаментных рвах и дна этих рвов в тех местах, где бутовая кладка была полностью, или почти полностью выбрана, позволило установить характерный технический прием кладки фундаментов. На дне рвов Зарубского храма во многих местах были обнаружены остатки деревянных субструкций в виде деревянных продольных и поперечных лежней, скрепленных железными костылями и залитых раствором извести с примесью толченого кирпича. Местами эти лежни сохранились в виде следов сгнив-

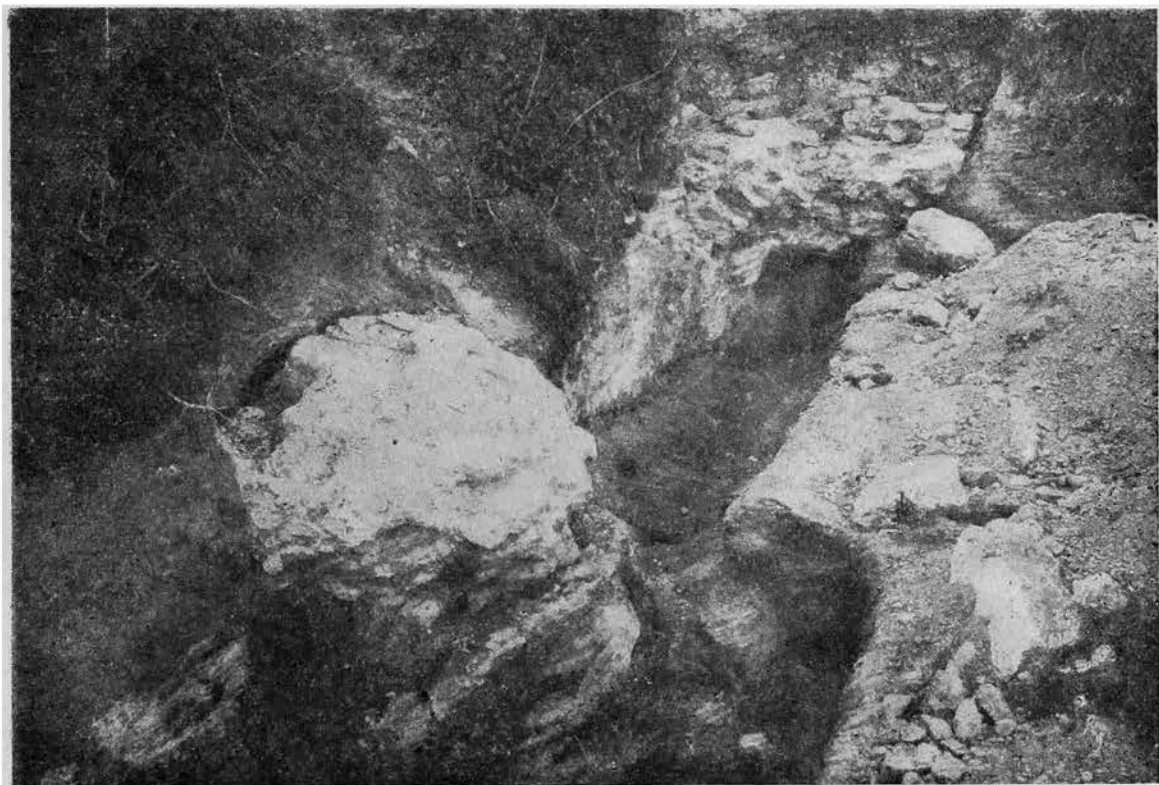

Рис. 16. Блоки кладки фундамента южной стены.

шего дерева, местами в виде отпечатков дерева в растворе, а местами даже в виде полых каналов в бутовой кладке, или в растворе на дне рвов.

Остатки деревянных лежней, лежавших как вдоль фундаментного рва, так и поперек его, были прослежены в двух местах в средней части фундаментного рва западной стены храма (рис. 18). На перекрестьи лежней был обнаружен воткнутый вертикально в грунт железный костыль, некогда скреплявший лежни между собою.

Следы от деревянных лежней, отпечатавшиеся в растворе, были обнаружены на дне рва в восточной части средней апсиды. Там же были найдены воткнутые в материковый грунт два костыля.

На дне рва у стыка средней и северной апсид был найден кусок раствора с отпечатками деревянного лежня. Лежень, судя по этим отпечаткам, представлял деревянный брус с окантованными поверхностями. В этом же месте обнаружено два воткнувшихся в материковый грунт костыля, скреплявших лежни (рис. 19), там же лежал третий костыль, упавший на бок.

Следы лежней и один стоящий костыль найдены также на дне рва северной стены храма (у пересечения рва северной стены с рвом поперечного ленточного фундамента на оси западной пары подкупольных столбов).

Рис. 17. Остатки фундаментного рва западной стены храма.

В нескольких местах обнаружены остатки лежней и на дне рва южной стены, на дне восточного поперечного рва (под юго-восточным столбом храма), в двух местах на дне среднего поперечного рва (под юго-западным и северо-западным подкупольными столбами). Там же под северо-западным столбом был найден стоящий костыль.

Железные костыли были найдены в значительном количестве и в завале строительного мусора, при расчистке фундаментных рвов.

Вертикально воткнутые в материковый грунт костыли скрепляли деревянные лежни, лежавшие по дну рвов под бутовой кладкой фундамента на стыках и перекрестиях. Однако в отдельных случаях костыли были вбиты на линии лежней и в таких местах, где не было перекрестий или стыков; повидимому, они скрепляли надставки лежней, наращивавшихся по всей длине рва.

Длина костылей различна: 0.18, 0.23, 0.25, 0.28 м; в сечении все они квадратные, со сторонами от 0.008 до 0.016 м. Все костыли железные, кованые. Изучение отпечатков лежней в растворе на дне рвов позволило установить, что лежни представляли деревянные бруски прямоугольного сечения. Ширина их от 0.10 до 0.20 м; высота 0.18—0.20 м.

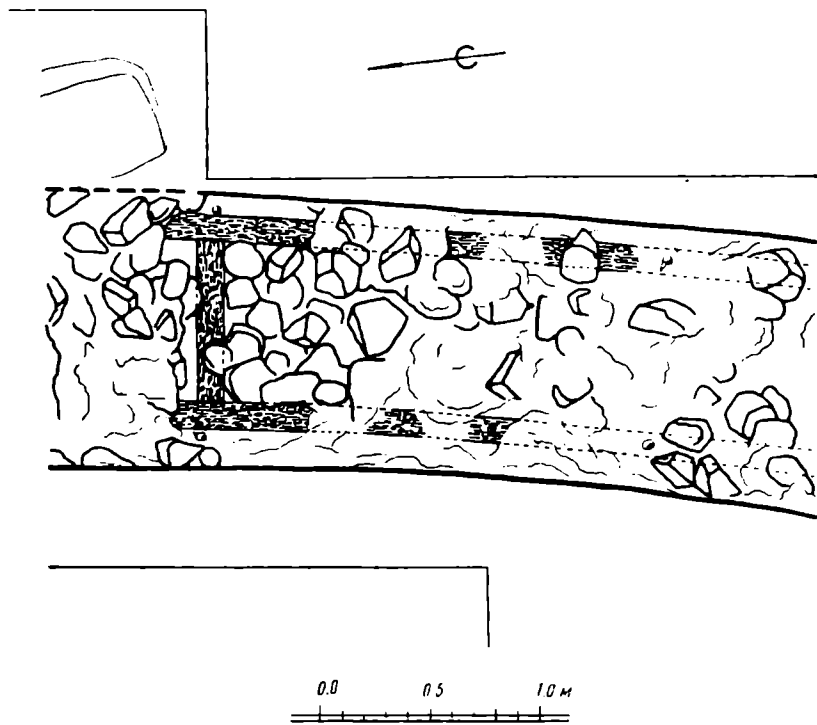

Рис. 18. Остатки деревянных лежней под фундаментом западной стены храма.

Дно фундаментных рвов после укладки и скрепления лежней засыпалось мелким булыжником и заливалось раствором извести с примесью толченого кирпича. Поверх этого слоя выкладывался фундамент из крупных блоков песчаника и огромных валунов на том же растворе.

Кладка стен здания сохранилась *in situ* лишь в одном месте (северо-восточный столб и часть стены между средней и северной апсидами).

В северо-западном углу храма был найден значительный блок кладки упавшей стены, в котором видно, что в кладке стен, наряду с кирпичом, был употреблен и камень в виде горизонтальных рядов, чередующихся с рядами кирпича. Размеры кирпича в кладке различных частей храма несколько колеблются: $0.33-0.31 \times 0.25-0.22 \times 0.045-0.035$ м. Кирпич довольно хорошего обжига, имеет в изломе красный цвет. Судя по наличию в кладке фундамента бесформенных кусков пережженного (до спекания) кирпича, можно думать, что кирпич обжигался на месте и брак его использовался в бутовой кладке.

Найдены различной формы лекальные кирпичи (удлиненной формы с заострением одного конца в виде треугольника или же с полуциркульным концом) для выкладки полуколонн.

В большом количестве найдены обломки голосников, применявшихся в кладке сводов и купола храма.

В восточной части развалин довольно хорошо сохранился древний пол, представлявший тонкую известковую подмазку, на которой выкладывались поливные майоликовые плитки желтого, светлозеленого и коричневого цветов. В значительном количестве майоликовые плитки сохранились *in situ* (исключительно в средней апсиде храма), много фрагментов и целых плиток найдено в завале строительного мусора.

При раскопках найдено огромное количество фрагментов фресковой росписи храма. В нижних частях здания эта роспись по видимому имити-

Рис. 19. Железные костыли в субструкциях большого храма.

ровала мраморную облицовку: сохранились многочисленные куски штукатурки, покрытые «мраморировкой».

На многих фрагментах фресковой штукатурки сохранились процарапанные древние надписи и рисунки (*graffiti*). Такие же надписи изредка попадались на обломках гладко-затертого розового раствора извести с толченым кирпичом, очевидно представлявших куски наружной облицовки, прикрывавшей ряды утопленных в кладке кирпичей и ряды каменной кладки стен здания. На некоторых кусках этой облицовки видны остатки раскраски (красной краской).

В северо-западном углу здания обнаружены плохо сохранившиеся остатки кирпичного склепа; остатки второго, значительно лучше сохранившегося кирпичного склепа найдены за наружной линией рва южной стены здания между двумя западными лопатками. Третий склеп, также выложенный из плоского квадратного кирпича, найден к северу от северной стены храма. Все погребения полностью разграблены и уничтожены.

Напомню, что обнаруженные при раскопках 1907 г. и во время разборки фундаментов в 1916 г. шиферные саркофаги несомненно находи-

лись в западной части раскопанного нами храма. О богатых погребениях, найденных в западной части храма, сообщалось и в краткой информации о раскопках Беляшевского в 1918 г.

Не ставя в настоящей публикации задачу детального определения места и значения вновь раскопанного храма в истории зодчества Киевской земли, считаю все же необходимым коротко остановиться на этом.

Рис. 20. План развалин Зарубского монастыря.

В восточной части Церковища, почти вплотную к развалинам малого четырехстолпного храма, раскопанного в 1907 г., находятся развалины небольшой по размерам, трехнефной шестистолпной церкви, повидимому соборного храма Зарубского монастыря. Дата этого храма определяется техническими признаками постройки. Если уже по размеру кирпича ($0.33 \times 0.25 \times 0.04$ м) большой храм можно сопоставить с киевскими памятниками второй половины XI в., то еще более важным доказательством является характер кладки здания. Незначительные остатки в виде одного-двух нижних рядов кирпичной кладки, сохранившейся *in situ*,

были бы недостаточны для хронологических определений, если бы мы не располагали дополнительными данными. На фотографии 1916 г., где сняты западные части большого храма после их обнаружения раскопками 1907 г., хорошо видна кладка из чередующихся рядов кирпича и камня, т. е. техника, типичная для киевского зодчества XI в. Об этой же дате свидетельствует обнаруженный в северо-западном углу храма большой блок кладки упавшей стены здания, состоящий из чередующихся рядов камня и кирпича, описанный выше. Об этой же дате свидетельствуют каменные ленточные фундаменты с деревянными субструкциями, скрепленными в перекрестиях железными костылями. Последний прием известен в трех киевских храмах второй половины XI в.: в церкви Спаса на Берестове, в Вышгородской церкви Бориса и Глеба и в развалинах храма на усадьбе Художественного института, раскопанных Киевской археологической экспедицией в 1947 г.

По плановому решению соборный храм Зарубского монастыря также очень близок к последнему памятнику. Являясь небольшим, но шестистолпным храмом, без башни для входа на хоры и без других пристроек, характерных для храмов второй половины XI в., оба раскопанных нами памятника свидетельствуют о поисках нового типа несколько упрощенного и уменьшенного в масштабе храма, характеризующих киевское зодчество самого конца XI или начала XII в.

Для уточнения датировки большого храма Зарубского монастыря имеет некоторое значение еще одно обстоятельство, установленное раскопками. Апсиды малого храма, выстроенного в XII в., расположены в такой непосредственной близости к западной стене большого храма (рис. 20), что вызывают законное предположение не был ли большой храм конца XI в. разобран, когда началась постройка малого четырехстолпного храма.

VI

Можно ли охарактеризованные выше памятники связать с летописными и другими письменными свидетельствами? Обратимся прежде всего к вопросу о городе Заруб.

31 мая 1096 г. половецкий хан Тугоркан, тесть киевского князя Святополка, подошел со своей ордой к Переяславлю «и ста около города».¹ Переяславцы затворились в городе. На помощь осажденным двинулись из Киева князья Святополк, Михаил и Владимир Мономах. Киевская рать двигалась по обычному в то время пути вдоль правого берега Днепра. «Святополк же и Володимер поидоста на нь по сей стороне Днепра и приидоста к Зарубу и туто перебродистася. .». Переправа у Заруба была произведена столь скрытно, что «не почютиша их Половце». Незаметно подойдя к Переяславлю, киевская рать, перейдя Трубеж, напала на половцев и наголову разбила их. Тугоркан, его сын и много других князей пали в бою. Князь Святополк привез тело своего тестя в Киев и похоронил в княжеском селе Берестове.

Это древнейшее летописное упоминание о Зарубе определяет и его последующую роль на многие годы. Заруб — укрепление на правом берегу Днепра, под защитой которого производится переправа на Левобережье в районе Переяславля.

В этой же роли города-укрепления у переправы Заруб выступает и в летописном повествовании, занесенном под 1146 г. в Ипатьевскую летопись. Князь Изяслав Мстиславич, направляясь со своим войском в поход из Переяславля, «перейде Днепр у Зараба [Заруба]».

¹ Ипатьевская летопись под 1096 г.; Лаврентьевская летопись под тем же годом.

Еще отчетливее эта роль Заруба в качестве укрепления у переправы видна в событиях 1151 г. Князь Юрий Долгорукий, подойдя со своими дружинами к Киеву со стороны устья Десны, не мог преодолеть переправы через Днепр в районе города, ибо войска Изяслава, оборонявшие город, прочно держали переправу через Днепр в своих руках. Летописец рассказывает о том, как Изяслав «исхитрил лодьи дивно, беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видити, а человек бяшетъ не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками и борци стояще горе в бронях и стреляюще, а кормьника два беста един на носе, а другой на корме, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть не обращающе лодии».¹ Потерпев неудачу, Юрий перебросил свои войска вдоль левого берега Днепра к Витичевскому броду. Предугадав этот маневр противника, Изяслав также перебросил свои войска по правому берегу и, расположившись у Витичева, вновь отбросил пытавшегося переправиться через Днепр противника. Потерпев вторичное поражение на новой переправе, Юрий, собрав своих союзников, сказал им: «Се братье стоимы сде чего стоимы сде, но ловим у них того како бы ны взяти брод Зарубский и перейти на ону сторону».² План его был одобрен («улюбиха то вси»). Спустившись к Зарубскому броду, сын Юрия вместе с половцами овладел переправой у Заруба.

По рассказу летописца, вместо отозванного Изяславом сына Мстислава Зарубский брод оборонял в это время боярин Шварн. Летописец заметил по этому поводу, что «тем не тверд ему Мстиславу бе брод зане не бяшетъ ту князя, а боярина не вси слушають».³ Вскоре к захваченной переправе у Заруба подошли основные силы Юрия, переправились через Днепр и по правому берегу быстро подошли к стенам Киева. В том же году Изяслав, наступавший на Юрия, засевшего в Переяславле, спустившись по правому берегу, «перебродися у Заруба».⁴

В 1156 г. Юрий Долгорукий, взяв с собою Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича, пришел к Зарубу «на снемь с Половци и с ними мир створи. .».⁵

В последний раз в качестве укрепления у Днепровской переправы Заруб упомянут в грозные дни первого татарского нашествия 1223 г. Русские князья, готовившиеся к отпору, «совокупивше землю русскую всю противу татаром и придоша к реце Днепру на Заруб к острову Варежскому».⁶

Приведенными упоминаниями Заруба в качестве опорного пункта, охранявшего важнейшую переправу через Днепр в Левобережье, письменные свидетельства о нем не ограничиваются. Под 1147 г. в Ипатьевской летописи читаем: «В то же лето поставил Изяслав митрополитом Клим Смолятича, вывед из Заруба, бе бо черноризецъ схимник и бысть книжник и философъ, так якоже в Руской земли не бяшетъ».⁷

Известно, что собор епископов, собравшийся для поставления нового митрополита, не был единодушен в своем решении. Грекофильски настроенные иерархи — Мануил Смоленский и Нифонт Новгородский — утверждали, что «не есть того в законе яко ставити епископом митрополита без патриарха, но ставити патриарх митрополита». Партию сторонников князя и нового митрополита возглавлял Онуфрий Черниговский, напомнивший о существовании на Руси главы св. Климента. Так же

¹ Лаврентьевская летопись под 1151 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ипатьевская летопись под 1156 г.

⁶ Лаврентьевская летопись под 1223 г.

⁷ Ипатьевская летопись под 1147 г.

как греки ставят рукою св. Иоанна, русские епископы поставили митрополита «главою святого Климента».¹

Отмеченная летописцем образованность вновь избранного митрополита и высокий пост, на который он был выдвинут князем, свидетельствуют, несомненно, и о большом значении обители, из которой он был «выведен». Необходимо подчеркнуть, что в этом же монастыре подвизался и другой книжник, Георгий. С именем «Георгия черноризца Зарубския пещеры» связано небольшое «Поучение к духовному чаду», известное в ряде списков, древнейший из которых относится к XIII в. Время жизни самого автора поучения остается невыясненным. Поучение интересно бытовыми подробностями, характеризующими культуру киевского общества предмонгольской эпохи. Георгий советует своему «чаду» избегать «смеха лихого». «Скомороха и гудця, и свирця, — поучает Георгий, — не уведи в дом свой глума ради. Поганьско бо то есть все, а не хрестьянское».²

История Зарубского монастыря, расположившегося у подножья древнего забытого городища, в письменных источниках почти не отражена. Только из очень позднего документа мы знаем о том, что Зарубский монастырь был посвящен Богоматери, нося название Пречистенского. В описи Киевского замка 1552 г. сказано: «Монастырь слывет Зарубский святое пречистое, и тому монастырю бывала также пашня, бортная земля, озера и бобровые гоны. Но теперь пусто, один чернец стережет для пожару».³ Повидимому, после монгольского разгрома некогда знаменитая обитель пришла в упадок и позже возрождена не была. Отсутствие на урочище Церковище каких-либо остатков XVII—XVIII вв. свидетельствует о том, что упоминание в описи 1552 г. зафиксировало последние страницы истории монастыря, о начале и расцвете которого рассказывают развалины двух раскопанных храмов на Церковище.

¹ Ипатьевская летопись под 1147 г.

² История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, стр. 353.

³ Архив юго-западной России, т. I, ч. VII, стр. 121.